

Научная статья
УДК 339.564:378(571.63)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Народные знания об осоковых растениях у коренных малочисленных народов Севера: аксиологический аспект

Владимир Викторович Подмаскин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлён анализ ценностных установок, зафиксированных в народных знаниях об осоковых у коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Ценностные жизненные ориентиры о растениях, отражая в языке, истории и культуре региональные хозяйственные и духовные черты, стали основой менталитета этноса.

Ключевые слова: *аборигены, народные знания, осоковые, аксиологический аспект, Дальний Восток России*
Для цитирования: Подмаскин В. В. Народные знания об осоковых растениях у коренных малочисленных народов Севера: аксиологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 114–123. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Folk knowledge about sedge plants among the indigenous peoples of the North: an axiological aspect

Vladimir V. Podmaskin,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the value attitudes recorded in the folk knowledge about sedge among the indigenous peoples of the North (Indigenous Peoples of the North). Value life orientations about plants, reflecting regional economic and spiritual features in language, history and culture, became the basis of the mentality of the ethnic group.

Key words: *natives, folk knowledge, sedge plants, axiological aspect, Russian Far East*

For citation: Podmaskin V. V. Folk knowledge about sedge plants among the indigenous peoples of the North: an axiological aspect // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 114–123. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/114-123>

Многие исследователи (В.К. Арсеньев, Ю.А. Сем, В.С. Стариков, Н.М. Пржевальский, Л.И. Шренк и другие), изучая историю и культуру аборигенов Дальнего Востока России, отметили значимость осоковых в жизнеобеспечении и духовной культуре. Предметом специального анализа стало описание различных характеристик осоки у коренных малочисленных народов Севера (КМНС) (*фото 1*). Она лечила людей, служила пищей, традиционно описывалась в фольклоре и легендах, а также в магических заклинаниях и обрядах. В связи с этим наблюдается потребность в выявлении двух древних взаимосвязанных потоков – рационального и иррационального опыта с позиции ценностной ориентации.

Семейство осоковые включает около 100 родов и 4000 видов. В массовом количестве эта трава встречается в сырых и болотистых местах. Осока (*Carex*) и пушица (*Eriophorum*) характерны для умеренных и холодных областей. Пушица растёт преимущественно в тундре и на севере лесной зоны [5, с. 295]. На её старых кочках обильно разрастаются брусника, голубица, багульник. К настоящему времени на территории Дальнего Востока России произрастает около 400 видов осок рода (*Carex*) (*фото 1*) [5, с. 308].

В традиционном обществе особенность флоры воздействует на специфику повседневной жизни. Кормовая территория, животные, растения и минеральные вещества, действующие стихийные силы, живущие группы людей – всё это мыслилось как единое целое в тождестве с природой. Природе приписывались человеческие свойства. Подобные взгляды отразились в знаниях об осоковых. Генезис этих знаний связан с трудовой деятельностью и духовным совершенством их носителей [20, с. 193].

Фото 1. Болото с осокой на возвышенных кочках, с. Красный Яр, Пожарский район, Приморский край, март 2021 г.

Photo 5. Swamp with sedge on elevated hummocks, village Krasny Yar, Pozharsky district, Primorsky Krai, March 2021.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin.

Важную роль в жизнеобеспечении КМНС занимали собирательство готовых даров природы и переработка растительного сырья. Дикорастущие растения давали человеку пищу богатую белками и витаминами, лекарства, красители, дубильные вещества, кроме того, материал для пошива одежды, построек, изготовления средств передвижения, орудий труда и утвари [20, с. 207, 301–302; 6, с. 140–141, 187, 193, 211].

Знания об осоковых в сочетании с топонимикой стали своего рода символом этнической принадлежности КМНС. Например, названия гидронимов: Сахалян-Ула (р. Амур) [11, с. 575], Сунгари-Ула (приток р. Амура) [26, с. 126], в Приморье Тумань-Ула (Туманная), Улахе (Верховина), а также эвенкийское Унты (приток р. Самарги), нивхские и айнские Киуси (от ки – "обувь") на Сахалине, Кукси (приток р. Самарги), Киур в Приамурье обозначали места, где издавна охотники и рыбаки собирали сухую траву осоки для стелек в национальную обувь (фото 2) [21, с. 215; 2, с. 63; 15, с. 70].

Происхождения гидронимов Ула может быть связано с маньчжурским названием "река (большая)", удэгейским и ороческим ули – "река" [26, с. 260], а также в значении "вода, река" – с кетским ул, уль [16, с. 574].

Эвенкийский и удэгейский топоним Унты – "длинные сапоги из кожи оленя или лося" можно сравнить с подошвой или стелькой из травы для обуви [26, с. 257, 275]. В традиционном обществе обувь символизировала связь земли с человеком. Как видно из примеров, в номинации гидронимов нашли отражения географические особенности и хозяйственные формы природопользования.

Фото 2. Академик П.Г. Горовой с пучком осоки для стельки в обувь, с. Красный Яр, Пожарский район, Приморский край, март 2021 г.

Photo 2. Academician P.G. Gorovoy with a bunch of sedge for insoles in shoes, village Krasny Yar, Pozharsky district, Primorsky Krai, March 2021.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin

Удэгейцы и орочи осоковые растения называли хаикта, паякта [20, с. 221], различая по характеру стебля два вида: толстые и тонкие. Толстостебельную осоку называли вокто угокта, тонкую в зависимости от цвета делили на три подвида: вокто тагани – рыжая; сулаи гайтани – красная, похожая на цвет шерсти лисы; наму гайтани – зеленоватая, сравнимая с цветом морской воды [12, с. 102]. Эта "растительная шерсть" не ломается при сгибе, быстро высыхает. Её укладывали длинным пучком от пятки вдоль ступни. Заготовка осоки осуществлялась в октябре. Женщины запасали 10–20 снопов сухой травы на зимний сезон [21, с. 116].

Ю. А. Сем и Л.И. Сем, изучая лексику нанайского языка, связанную с растительным миром, отметили, что некоторые названия растений образуются при помощи суффиксов кта/ктэ, хта/хто. Кроме нанайского языка эти суффиксы для названий растений и ягод встречаются также в удэгейском, орочском, солонском, негидальском, орокском, ульчском, маньчжурском, эвенкийском и эвенском языках [24, с. 20–21], что, вероятно, характеризует длительные этногенетические и культурные связи.

У тунгусо-маньчжуров и эскимосов прослеживаются параллели в названии пушицы (Eriophorum). Нанайцы, уйльта (ороки), ульчи именовали это растение наокта, эскимосы нывук [-т] [25, с. 575; 26, с. 309], эвенки, эвены, солоны, негидальцы, орочи сухой осоке дали название орокто [26, с. 24]. Там также знакома осока улоцо. Это была та самая трава ула-цхао, которую маньчжуры считали в числе трёх благ (два других – соболь и женьшень), да-

рованных небом их родине [22, с. 112; 27, с. 93].

Общность названий осоковых сохранилась также в языке сахалинских айнов и нивхов. Например, айны именовали семейство осоковых ки, сухую траву для стельки в обувь называли сахтэ ки [4, с. 132], сахалинские нивхи всем видам осоковых дали названия киусь, амурские нивхи – киур [11, с. 473].

Тунгусо-маньчжуры и нивхи, чтобы сделать осоку пригодной для употребления, высушенные снопики предварительно обрабатывали, поколачивая каждый пучок деревянным молотком-колотушкой. Делали это на невысокой деревянной подставке – большом чурбане или коротком обрезке бревна. При такой обработке волокна осоки разбиваются – жёсткая трава становится эластичной. Пучок проколотенной осоки держался на ноге, не рассыпаясь, более недели [20, с. 222].

Применение осоки вместо стелек и для обёртывания ступни ног было характерно также для айнов [4, с. 34], нанайцев [17, с. 799], кетов, селькупов, ненцев, эвенков, хантов, манси, охотников хакасов и др. [1, с. 144]. Сухая осока обладала свойствами удалять запах пота ног и предохранять их от ушибов, не создавая шума во время передвижения, что было важно для охотника и рыбака. Употребление её в этой роли – свидетельство приспособленности быта КМНС к местным природным условиям.

Осоковые имеют большое значение в природе, выполняют очень важную роль в биосфере как аккумуляторы пресной воды. Кроме того, болота и берега водоёмов с зарослями осоковых служат местами обитания, убежищами и кормовыми угодьями для многих птиц и зверей [5, с. 310]. Чукчи и коряки заметили, что

Фото 3. Удэгейцы. Ритуальная скульптура из осоки от болезни ног. 1976 г.

Photo 3. Udege. Ritual sculpture from sedge for leg disease. 1976.

Источник: Музей института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, стенд 84, кол. № 31. Фото В.В. Подмаскина.

Source: Museum of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, stand 84, col. No. 31. Photo by V.V. Podmaskin.

Фото 4. Ботаник П.Г. Горовой и удэгейец В.Н. Кялунзига собирают осоку для химического анализа. С. Рошино, Красноармейский район, Приморский край, апрель 2020 г.

Photo 4. Botanist P.G. Gorovoy and Udege V.N. Kalunziga collect sedge for chemical analysis. Village Roshchino, Krasnoarmeisky district, Primorsky Krai, April 2020.

Источник: из архива В.В. Подмаскина.

Source: from the archive of V.V. Podmaskin.

осоки (ситник) – ценный ранневесенний корм для северного оленя и лося [5, с. 290] (фото 2).

Сохранились сообщения о пищевых свойствах осоковых у нанайцев и юкагиров. В.А. Туголуков отмечал, что юкагирские женщины съедобные корни осоки извлекали из запасов полевых мышей. Из промытых в тёплой воде корней и истолчённых вместе со свежей селёдочной икрой, они пекли блины – "барабаны" [18, с. 96]. На Нижнем Амуре распространён клубнекамыш приморский. Нанайцы размельчённые его клубни холгокта иногда применяли как примесь к муке [23, с. 111].

КМНС использовали ряд видов осок в народной медицине. Нивхи кожные заболевания успешно излечивали отваром из корня осоки кисью [10, с. 134]. При головной боли уйльта (ороки) вешали на волосы пучок осоки [6, с. 212]. У айнов изображению змеи из осоки приписывалось магическое воздействие на зрителя [9, с. 87]. Нивхи пучок крупноголовой осоки подвешивали при гриппе на косяк двери, чтобы отпугнуть духа болезни [10, с. 139]. Священным местом считалось кочковатое болото, на котором росла осока и ягоды. Ходить и играть детям здесь не разрешалось.

Некоторые растения (чаще всего лекарственные), по мнению КМНС, обладали чудодейственными свойствами, оберегали жизнь и здоровье людей. В "магический" список попали мухомор, шиповник, можжевельник, багульник болотный, ива, трутовик, морские водоросли и другие. Например, нанайцы и удэгейцы из сухой травы осоки изготавливали севохи – вместилище для болезнетворных злых духов (фото 3). По сообщению филолога С.Н. Оненко, во время неудачной рыбалки нанайцы мастерили из сухой осоки божка дяога;

Фото 5. Нанайцы. Вид временного посёлка Хормольдин (материалом для строительства использовалась осока). Нижний Амур, 1856 г. Художник Е.Е. Мейер.

Photo 5. Nanais. View of the temporary settlement of Khormoldin (sedge was used as construction material). Lower Amur, 1856. Artist E.E. Meyer.

Источник: [23, с. 92].

Source: [23, p. 92].

сначала его хорошо угощали, а потом избивали палками и выбрасывали, наказывая за то, что он будто бы мешал ловить рыбу, поднимал грузила у неводов и выпускал весь улов [18, с. 179].

Ительмены в любую обувь обязательно вкладывали мягкую осоку, растущую на кочках, называли её мьнхчал [28, с. 103]; в честь бога Дустехтич они ставили на ровных местах столб, обвязанный осокой. Проходя мимо такого столба, всегда бросали кусочки пищи в жертву, около этого места не собирали ягод и не убивали ни зверя, ни птицу [19, с. 128].

Удэгейец Виктор Кялунзига (1956 г. р.) сообщил нам, что у него болели лёгкие, старики посоветовали пить воду, где растёт трава осоки хаикта (фото. 4). Рекомендацию принял к сведению – болезнь прошла. Во время эпидемий гриппа люди уходили на карантин из стойбищ и отсиживались во временных посёлках (фото 5), построенных из осоки (**Полевые материалы автора, 2020 г., с. Рошино, Красноармейский район, Приморский край**). Врач А. Васильева для принятия мер по борьбе с эпидемиями в 1869 г. был направлен на Сахалин. Он обнаружил, что коренное население не болело грибковыми заболеваниями ног (РГИА ДВ. Ф. 1 Оп 1 Д. 240 Л. 10–14)¹.

В медицине осока используется как сырьё для получения алкалоида бревиколлина, который применяется в акушерско-гинекологической практике для стимуляции родовой деятельности, при маточных кровотечениях после родов и аборт [3, с. 461].

Удэгейцы и нанайцы сухими волокнами осоки набивали тканевые подушки, матрасы и одеяла [14, с. 145, 146]. Осоковые служили материалом для плетения, преимущественно связанного с важнейшим занятием женщин. Айны юрты строили из коры и досок, снаружи и сверху прикрывали тростником или осокой [4, с. 35]. Временные посёлки нанайцев состояли из каркасных жилищ с настилами из сухой осоки (фото 5) [23, с. 92].

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Ещё в начале XX в. нанайцы, удэгейцы, орочи и айны из осоки плели пояса, фитили для добывания огня, верёвки, циновки, решётки на окна, куклы для игр [8, с. 43, 44, 46, 85] и культовые предметы [8, с. 106, 113, 116, 122] (*фото 3*). В дождливую погоду айны пользовались оригинальным плащом, изготовленным из травы осоки или тонкого тростника [13, с. 62]. У тунгусо-маньчжуров и нивхов широко известны плетенные из этой травы сумки. Из осоки нивхи изготовляли верёвки, уйльта (ороки) – петли на птиц. Маньчжуры в древности при военных маршах из травы-осоки мастерили знамена [26, с. 24].

Способ прядения связан исключительно с производством нитей из растительного волокна, шерсти и является большим достижением в развитии техники орудий труда, служащих для создания материальных ценностей, поскольку предшествует другому великому изобретению – ткачеству. Основные орудия прядения – веретено и прялка. Аборигены Нижнего Амура и Сахалина знакомы с различными видами веретён. Прялка, вероятно, заимствована у русских. Текстильное производство относилось к числу важнейших видов домашних занятий женщин.

Сахалинские айны во время медвежьего праздника для медведя изготовляли пояс из осоки и привязывали к нему угольки (символ огня), дорожную пищу: травяные мешочки с ягодой и съедобными кореньями [9, с. 87]. У удэгейцев, когда тигр убивал человека, согласно обычному праву, осуществлялась кровная месть. Если зверя, причинившего зло, не удавалось выследить, то протыкали копьём чучело из осоки, этим ритуалом месть завершалась [29, с. 119].

Уйльта (ороки) и нивхи Сахалина из листьев осоки, обитающей по морскому побережью, изготовляли музыкальные инструменты канга (древний тип варгана) [6, с. 283]. Нанайцам были известны свирель и флейта из камышовой трубки [17, с. 804].

У айнов и уйльта сохранились представления об осоковых в фольклоре и календаре. По данным М.М. Добротворского, айнский сезонно-хозяйственный календарь фиксировал период зелёной осоки киута (март–апрель). Такая первая травка называлась тооки [4, с. 132, 138] (*фото 2*). По сообщению Е.А. Бибиковой (1941 г. р.), уйльта (ороки) осоку наокта заготавливали впрок осенью, когда она принимала рыжевато-коричневый оттенок. Сравнивали волокна растения с человеческими волосами (*фото 1*). В загадке на уйльтинском языке говорится: "Гау-гау-гајаво. Хукпэикки чакка паикта балзини. Хаигэк тари? Токсик уну. Ган-ган гаяво. Перевод: "На кочке полно травы выросло. Что это? Точно скажи". Ответ: "Нируктэ зилиду (Волосы на голове)" (ПМА, 1976 г., с. Вал, Ногликский район, Сахалинская область)².

В древнем сознании некоторые травы имитировали волосы человека, как очень важную часть человеческого тела. Поскольку волосы сосредоточены на голове "они символизировали духовные силы, их можно соотносить с символикой воды" [7, с. 101–102]. Волосы причислялись к оберегам, чтобы отпугивать злых духов (подобные функции выполнял и дым от их сжигания).

Одухотворённый образ растений нашёл также отражение в народной загадке удэгейцев: "У кого голова из травы осоки"? Ответ: "у ритуального чучела пуданку" [21, с. 187]. Негидальцы осоку именовали сэмкукони уктэнин ("волосы кочки") [20, с. 201]. Удэгейцам запрещалось дёргать осоку на болотных кочках (по их воззрению, это головы человека), а также заплетать в косу растущую траву [21, с. 112]. По представлению нивхов, душа умершего превращается в "красную траву" [11, с. 482]. Как видно из примеров, у КМНС об осоке сложилось убеждение, наделённое человеческими свойствами явлений природы.

В 2020–2021 гг. автор данной статьи и академик Российской академии наук П.Г. Горовой побывали в с. Красный Яр и п. Рошино Приморского края с целью исследования роли осоковых в жизнеобеспечении удэгейцев. В результате экспедиции был собран гербарий осоковых, применяемых в качестве стелек в обувь, для биохимического анализа (*фото 2, 4*). В Ботанический сад ДВО РАН впервые доставлен ряд осоковых для посадки на клумбы. Выяснилось, что раньше данные растения в хозяйственной деятельности удэгейцев

² ПМА – Полевые материалы автора

занимали важное значение, поэтому традиционные поселения были сосредоточены возле локальных зон зарослей осоковых (ПМА, 2020–2021 гг.).

Таким образом, традиционные народные знания о жизни осоковых, безусловно, сыграли важную роль в обеспечении жизнедеятельности и развитии духовной культуры не только КМНС, но и народов сопредельных областей. Её волокна, обладающие устойчивыми теплозащитными свойствами, издавна использовались в качестве материала для подстилок, ими конопатили щели, набивали подушки, матрацы и одеяла, из осоки делали трут, изготавливали верёвки, сумки, предметы культа, игрушки и музыкальные инструменты. Эта трава обеспечила высокую степень адаптации к среде обитания, служила материалом для плетения, что способствовало развитию ткачества как важнейшего занятия женщин. Широкое применение осоки нашла в народной медицине и культуре питания. В народных знаниях об этом растении проявились признаки ценностных этнических установок, связанных с сохранением здоровья, что является важной задачей современности в изучении её лечебных и пищевых свойств. Поэтому сегодня рациональные знания об осоковых нужны как ресурс ботаникам, охотоведам, оленеводам, медикам, биологам, специалистам по традиционным промыслам и парковой культуре.

Литература

1. Алексеев Е.А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 261 с.
2. Гальцев-Безюк С.Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992. 218 с.
3. Гончарова Т.А. Энциклопедия лекарственных растений: (лечение травами): В 2-х тт. М.: Изд. Дом МСП, 1999. Т. 1. 560 с.
4. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875. 487 с.
5. Жизнь растений / Под ред. А.Л. Тахтаджяна: В 6-ти т. М.: Просвещение, 1982. Т. 6. 543 с.
6. История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XX вв.) / отв. ред. В.В. Подмаскин. Владивосток: Дальнаука, 2021. 376 с.
7. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
8. Кобко В.В. Каталог коллекций Б.О. Пилсудского в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 2. Южно-Сахалинск, 1999. С. 3–152.
9. Колосовский А.С. Культ медведя и древняя одежда нивхов // Проблемы истории Сахалина, Курилы и сопредельных территорий: Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинский краеведческий музей, 2004. № 1. С. 64–115.
10. Колосовский А.С. Применение лекарственных растений аборигенами о. Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1990. № 4. Южно-Сахалинск: Сахалинский краеведческий музей. С. 120–142.
11. Крейнович Е.А. Нивху: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 494 с.
12. Леонтович С. Краткий русско-орочёнский словарь с грамматической заметкой // Зап. Императорского Русского географического об-ва. Владивосток, 1896. Т. 5. Вып. 2. 147 с.
13. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.). Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО АН СССР, 1988. 140 с.
14. Мельникова Т.В. Традиционные постельные принадлежности коренных народов юга Дальнего Востока России // Записки Гродековского музея. Археология и этнография. Вып. 3. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 133–141.
15. Меркушев И.Л. Нивхские топонимы как историко-этнографический источник // Первая науч. конф. "Арсеньевские чтения": Тез. докл. и сообщ. Хабаровск, 1984. С. 69–71.
16. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
17. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
18. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь М.: Русский язык, 1980. 552 с.
19. Орлова Е.П. Верования камчадалов-ительменов (материалы) // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. Вып. 17. М.: Наука, 1975. С. 127–137.
20. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
21. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.
22. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае (1867–1869 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 332 с.

23. Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX –XX в.). Этнографические очерки. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР, 1973. 313 с.
24. Сем Ю.А., Сем Л.И. Лексика, связанная с растительным миром, в нанайском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Л.: ЛГПИ, 1988, с. 3–28.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
27. Стариков В.С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ: вопросы о самобытности материальной культуры маньчжуров // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого: культура народов зарубежной Азии и Океании. Л.: Наука, 1969. Т. 25. С. 74–114.
28. Старкова Н.К. Ительмены: Материальная культура. XVIII – 60-е годы XX века: этногр. очерки. М.: Наука, 1976. 166 с.
29. Старцев А.Ф. Погребальная обрядность удэгейцев // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв. Владивосток: Дальнаука, 1992. С.113–122.
30. Туголуков В.А. Кто вы, юагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

References

1. Alekseenko E.A. Kets: historical and ethnographic essays. L.: Nauka, 1967. 261 p.
2. Galtsev-Bezyuk S.D. Toponymic dictionary of the Sakhalin region. Yuzhno-Sakhalinsk, 1992. 218 p.
3. Goncharova T.A. Encyclopedia of medicinal plants: (herbal treatment): In 2 vols. M.: Ed. House of MSP, 1999. Vol. 1. 560 p.
4. Dobrotvorskii M.M. Ainu-Russian dictionary. Kazan, 1875. 487 p.
5. Plant life / Ed. A.L. Takhtadzhyan: In 6 volumes. M.: Education, 1982. Vol. 6. 543 p.
6. History and culture of the Uilta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XX centuries) / ed. V.V. Podmaskin. Vladivostok: Dalnauka, 2021. 376 p.
7. Kirlo KH. Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history / Trans. from English. F.S. Kapitsa, T.N. Kolyadich. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 525 p.
8. Kobko V.V. Catalog of B.O. Pilsudskii in the Primorsky State United Museum. VC. Arsenyev // Proceedings of the Bronislav Pilsudskii Heritage Institute. No. 2. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999. P. 3–152.
9. Kolosovskii A.S. The cult of the bear and the ancient clothes of the Nivkhs // Problems of the history of Sakhalin, the Kuriles and adjacent territories: Local history bulletin. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Museum of Local Lore, 2004. No. 1. P. 64–115.
10. Kolosovskii A.S. The use of medicinal plants by the natives of Sakhalin // Local Lore Bulletin. 1990. No. 4. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Museum of Local Lore. pp. 120–142.
11. Kreinovich E.A. Nivkhgu: mysterious inhabitants of Sakhalin and Amur. M.: Nauka, 1973. 494 p.
12. Leontovich S. Brief Russian-Orochen Dictionary with a Grammar Note // Notes of Imperial Russian Geographic Society. Vladivostok, 1896. V. 5. Issue. 2. 147 p.
13. Materials of B.A. Zherebtsov on the ethnography of the Ainu of South Sakhalin (1946–1948). Preprint. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGIG DVO AS USSR, 1988. 140 p.
14. Melnikova T.V. Traditional bedding of the indigenous peoples of the south of the Russian Far East // Notes of the Grodekovsky Museum. Archeology and ethnography. Issue. 3. Khabarovsk: Khabarovsk Museum of Local Lore, 2002. P. 133–141.
15. Merkushev I.L. Nivkh toponyms as a historical and ethnographic source // First scientific conference "Arsenyev Readings": Reports and messages. Khabarovsk, 1984, pp. 69–71.
16. Murzaev E.M. Dictionary of popular geographical terms. M.: Mysl', 1984. 653 p.
17. Peoples of Siberia. Ethnographic essays / ed. M.G. Levin, L.P. Potapov. M., L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 1083 p.
18. Onenko S.N. Nanai-Russian dictionary. Moscow: Russkii yazyk, 1980. 552 p.
19. Orlova E.P. Beliefs of the Kamchadals-Itelmens (materials) // Countries and peoples of the East: Countries and peoples of the Pacific basin. Book 3. Issue 17. Moscow: Nauka, 1975. P. 127–137.
20. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 540 p.
21. Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Udege: a historical and ethnographic study based on materials from the XIX–XX centuries. Vladivostok: FEB RAS, 1998. 228 p.
22. Przhevalskii N.M. Journey in the Ussuri region (1867–1869). Vladivostok: Far Eastern publishing house, 1990. 332 p.

23. Sem Yu.A. Nanais. Material culture (second half of the XIX–XX centuries). Ethnographic essays. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Scientific Center of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 313 p.
24. Sem Yu.A., Sem L.I. Vocabulary related to the plant world in the Nanai language // Questions of vocabulary and syntax of the languages of the peoples of the Far North. L.: LGPI, 1988, P. 3–28.
25. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / comp. V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. L.: Nauka, 1975. Vol. 1. 672 p.
26. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / comp. V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. L.: Nauka, 1977. Vol. 2. 992 p.
27. Starikov V.S. Household items and tools of labor of the Manchus in the collections of the MAE: questions about the originality of the material culture of the Manchus // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great: culture of the peoples of foreign Asia and Oceania. L.: Nauka, 1969. Vol. 25. P. 74–114.
28. Starkova N.K. Itelmeny: Material culture. XVIII – 60s of the XX century: ethnogr. essays. M.: Nauka, 1976. 166 p.
29. Startsev A.F. Funeral rituals of the Udege // Culture of the Far East in the XIX–XX centuries. Vladivostok: Dalnauka, 1992, pp. 113–122.
30. Tugolukov V.A. Who are you, Yukagirs? M.: Nauka, 1979. 152 p.

Информация об авторах

Владимир Викторович Подмаскин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir V. Podmaskin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.04.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 02.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022